

**«Многие... пытались говорить по-украински».
Украина 1917–1919 гг. в воспоминаниях
генерала В. В. Буняковского**

Ганин Андрей Владиславович
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Цитирование

Ганин А. В. «Многие... пытались говорить по-украински». Украина 1917–1919 гг. в воспоминаниях генерала В. В. Буняковского // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 29–54. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.02

Статья поступила в редакцию: 11.12.2023.

Рецензирование завершено: 23.01.2024.

Статья принята к публикации: 12.03.2024.

Аннотация

Статья посвящена анализу неопубликованных воспоминаний генерал-майора В. В. Буняковского о его жизни в 1917–1919 гг. на Украине. Воспоминания Буняковского хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве и в Государственном архиве Российской Федерации, куда они попали из Русского заграничного исторического архива в Праге. Сохранившийся корпус мемуаров генерала охватывает период с Первой мировой войны до эмиграции, однако одна из самых интересных частей касается эпохи 1917–1919 гг. В 1917–1918 гг. Буняковский состоял в ликвидационной комиссии Николаевского военного училища в Киеве, которым руководил; в украинской армии гетмана П. П. Скоропадского в 1918 г. входил в состав комиссии по организации военных школ; в Красной армии в 1919 г. возглавлял управление военно-учебных заведений наркомата по военным и морским делам Украинской ССР. Генерал оказался очевидцем масштабных исторических событий, включая многократную смену власти в Киеве, встречался с рядом исторических деятелей того периода и подробно описал свои впечатления в мемуарах. Воспоминания были им написаны в период пребывания в эмиграции в Сербии в середине 1920-х гг.

Ключевые слова

Украина, Советская Россия, источники личного происхождения, РККА, В. В. Буняковский, Белое движение.

В коллекции Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) хранятся неопубликованные воспоминания генерал-майора Всеволода Викторовича Буняковского (05.04.1875 – после 1937)¹, охватывающие период Первой мировой и Гражданской войн. Речь идет о следующих текстах: «С 57-й пехотной дивизией на Восточно-Прусском фронте в 1914 году (воспоминания начальника штаба дивизии)»; «С 57-й пехотной дивизией в составе гарнизона крепости Осовец (в дополнение к печатному труду)» и «Воспоминания бывшего начальника военного училища в Киеве»². Еще один мемуарный текст Буняковского, относящийся к периоду эмиграции, хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и озаглавлен «В эмиграции в Сербии»³. Воспоминания писались примерно в одно время и датированы 1926 г.

Рукописи Буняковского сначала находились в Русском заграничном историческом архиве в Праге (РЗИА), в составе которого они попали в СССР, где хранились в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ныне – ГА РФ), а в 1963 г. большинство текстов были переданы в военно-исторический архив, пополнив коллекцию документов «Воспоминания солдат и офицеров русской армии»⁴. Свидетельства осведомленного участника событий представляют несомненный научный и общественный интерес.

О своих воспоминаниях, посвященных эпохе Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, Буняковский 30 июля 1926 г. писал управляющему РЗИА:

1 В настоящее время РГВИА ведется работа по подготовке публикации этих воспоминаний. Выражаю благодарность к. и. н. О. В. Чистякову за предоставленные материалы.

2 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4, 6, 7.

3 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 780. Фрагменты этих воспоминаний публиковались в: Москва – Сербия. Белград – Россия. Сб. док. и мат. / сост. А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, А. А. Силкин. М.; Белград, 2017. Т. 4. С. 168–178.

4 Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 423.

В. В. Буняковский.
Архив Ю. М. Строева.
Публикуется впервые.

Все пять отделов в отдельности представляют законченные периоды моих переживаний и наблюдений и являются по содержанию более или менее независимыми.

Поэтому они могут быть приобретены архивом и в отдельности... В предисловии к моим «Воспоминаниям» мною изложены причины, почему я считаю, что мои наблюдения являются ценными не только в качестве исторического материала, но и как материал, небесполезный для тех, кому придется строить новую великую Россию⁵.

При покупке рукописей Буняковского Пражским архивом в 1926–1927 гг. отзывы на них дали военный эксперт архива генерал-майор В. В. Чернавин и член Совета архива В. А. Мякотин. Мемуары, посвященные событиям революции и Гражданской войны, объемом десять печатных листов, были приобретены по 150 чешских крон

⁵ Archiv Slovanské knihovny (Архив Славянской библиотеки, Прага; далее – ASK). T-RZIA. 6-263.

за печатный лист, причем согласно постановлению хозяйственной комиссии РЗИА от 23 августа 1926 г. оплатить эту сумму должен был МИД Чехословакии из специального ассигнования⁶.

К сожалению, не все тексты генерала сохранились. Так, осенью 1926 г. Буняковский предложил архиву свои воспоминания о 20-летнем периоде до Первой мировой войны (1885–1914 гг.), в которых «старался касаться лишь вопросов, имеющих отношение к состоянию у нас военного дела в широком смысле слова в 20-летний период, предшествовавший войне; быт и состояние культурности сельского населения различных мест России и московское вооруженное восстание. Вкратце “воспоминания” касаются событий, сопутствовавших коронации. Лишь местами я отвлекался от прямой задачи, себе поставленной, касаясь фактов личных переживаний, но лишь таких, которые имеют научное значение»⁷. Но архив этот материал отклонил, так как текст относился к более раннему периоду по сравнению с эпохой Первой мировой и Гражданской войн, а также эмиграции. Рукопись, видимо, пропала – среди переписки Буняковского с архивом имеется открытка генерала, в которой он сообщал, что так и не получил свой материал обратно, хотя архив его выслал. Отклонена была и рукопись «Наш высший командный состав по опыту Великой войны и необходимые меры к подготовке его в будущем».

Генерал Буняковский был выпускником 1-го кадетского корпуса, Николаевского инженерного училища и Николаевской академии Генерального штаба (выпуск 1902 г.). Значительную часть службы он занимался военно-педагогической деятельностью – преподавал в Александровском военном училище в Москве и заведовал обучающимися в Императорской Николаевской военной академии (слушатели академии за глаза называли таких сотрудников «классными дамами»). В Первую мировую войну исполнял должность начальника штаба 57-й пехотной дивизии, с которой оборонял крепость Осовец, командовал 225-м пехотным Ливенским полком, вновь преподавал в Александровском военном училище, заведовал московскими школами подготовки прапорщиков пехоты и возглавлял Николаевское военное училище в Киеве. В 1915 г. был награжден Георгиевским оружием, а в генеральский чин произведен за боевые отличия в июле 1916 г. По мнению генерал-майора М. А. Иностранцева, «это был дельный и знающий офицер Генерального штаба, но солидного

6 Ibid. 1-6-91.

7 Ibid. 6-263.

преподавательского опыта в военных училищах не имевший, и потому в учебной части принужденный присматриваться к делу, но в то же время энергичный организатор и администратор»⁸.

В 1917 – феврале 1918 г. Буняковский состоял в ликвидационной комиссии Николаевского училища, которым руководил. В итоге генерал не избежал вовлечения в события Гражданской войны. По словам Буняковского, в училище в революционную эпоху он пользовался авторитетом: «Юнкера училища [...], молодежь с законченным средним образованием и студенты были обо мне очень высокого мнения, хотя это был период, когда люди солидных лет у молодежи большею частью были не в фаворе»⁹.

Еще в 1917 г. Буняковскому приходилось заниматься вопросами украинизации училища, хотя, насколько можно судить, он был непримиримым противником этого процесса. Характерен его диалог с инспектировавшим училище от Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ) генералом М. А. Иностранцевым, зафиксированный последним:

Когда я спросил Буняковского: на каком же языке будет вестись в училище преподавание, то он отвечал мне, что теоретически решено вести преподавание на украинском языке, но, по всей вероятности, его придется поневоле вести по-русски, так как, во-первых, нет преподавателей, владеющих этим языком, а во-вторых, он является языком или, точнее говоря, наречием настолько малокультурным и, до известной степени, примитивным, что массы научных терминов, а в особенности терминов военных, в нем совершенно нет.

– Один только и есть у меня преподаватель, знающий украинский язык, – сказал он, – это преподаватель этого самого языка. Он – из самостийных украинцев и ученик [М. С.] Грушевского, организатора, на австрийские деньги, самостийной пропаганды.

Горько и противно было слушать про всю эту нелепую и злостную затею в военно-учебном заведении, имевшую одну, но вполне определенную цель – расчленение России, но приходилось мириться с «текущим моментом»¹⁰.

8 *Иностранцев М. А.* Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М., 2017. С. 505.

9 ASK. T-RZIA. 6-263.

10 *Иностранцев М. А.* Воспоминания. С. 506–507.

В 1918 г. Буняковский оставался в Киеве при большевиках, а затем и при немцах и поступил на службу в украинскую армию гетмана П. П. Скоропадского, куда был принят с чином генерально-го хорунжего (что соответствовало генерал-майору русской армии). Оставался в Киеве он и позднее. В результате в 1919 г. попал в Красную армию, где руководил управлением военно-учебных заведений наркомата по военным и морским делам Украинской ССР (УССР), а затем, при отступлении красных, перешел на сторону антибольшевистских Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР). Белая разведка в 1919 г. аттестовала генерала как человека беспринципного, который «служил всем, кто платил деньги», при этом большевики считали его своим лучшим организатором военно-учебных заведений¹¹.

У белых генерала подвергли военно-полевому суду. В приказе главнокомандующего ВСЮР генерала А. И. Деникина № 2690 от 25 ноября (8 декабря) 1919 г. отмечалось:

Предаю военно-полевому суду Генерального штаба генерал-майора Буняковского по обвинению его в том, что, сознательно стремясь к упрочению основных задач советской власти, добровольно занял в городе Киеве, в марте 1919 г., в период господства там власти большевиков, ответственную должность начальника управления военно-учебных заведений, в ведении коего находились инструкторские курсы, выпускавшие офицеров для Красной армии, в каковой должности пробыл до середины августа 1919 года, занимая упомянутую выше должность начальника управления военно-учебных заведений составил и издал в советском журнале «Красный офицер» № 2 статью под названием «Поступайте на курсы», в которой призывал поступать в «советские командные курсы» для подготовки к командным должностям враждебной Добровольческой армии Красной армии «трудовые силы народа», исходя из положения, что Красная армия является резервуаром, в котором собираются «все лучшие живые силы страны», и объявляя службу на командных должностях в Красной армии «высоко ответственной, но зато почетной и дающей ни с чем не сравнимое нравственное удовлетворение», чем, способствуя и содействуя распространению и упрочению

¹¹ Ганин А. В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки». Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 416, 419, 421.

в Российском государстве советской власти, причинил существенный вред Вооруженным силам на Юге России¹².

26 ноября (9 декабря) состоялся суд, решением которого Буняковский был «признан виновным в несущественном содействии и благоприятствовании деятельности советской власти» и подлежал аресту на три недели, а уже 14 (27) декабря 1919 г. был прощен¹³. Впрочем, никакой должности у белых он не получил и уехал из России. Сначала – на остров Лемнос, а затем с осени 1920 г. – в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Там Буняковский поселился в небольшом придунайском городке Велико Градиште на северо-востоке Сербии, в ста с небольшим километрах от Белграда. В эмиграции он состоял в Обществе русских офицеров Генерального штаба. К сожалению, дата смерти генерала неизвестна.

Буняковский получил известность как автор ряда военно-исторических и военно-научных трудов. Среди них книги: «Сборник военно-исторических примеров из Русско-японской войны 1904–1905 гг.» (СПб., 1910; в соавторстве с С. П. Михеевым); «Борьба за укрепленные позиции по опыту текущей войны» (Пг., 1915); «Балканская война. Действия I и III Болгарских армий (критико-историческое исследование)» (Пг., 1917. Ч. 1); «Оборона крепости Осовец во время второй, 6 1/2 месячной осады ее» (Пг., 1917, в соавторстве с М. С. Свечниковым). В письме в РЗИА по поводу продажи рукописи «С 57-й пехотной дивизией на Восточно-Прусском фронте в 1914 году (воспоминания начальника штаба дивизии)» он отмечал в начале 1926 г.: «Эти воспоминания... заключают безусловно верный фактический материал¹⁴, за что я морально отвечаю. Имя мое известно в военной литературе, т. к. я имею более 20 печ[атных] трудов, и в том числе одобренную к защите на звание профессора академии диссертацию (Балканская война 1912 года. Действия I[-й] и 3[-й] Болгарских армий)»¹⁵. Буняковский признавался, что не имел финансовой возможности издать свой труд о Восточной Пруссии, почему и решил уступить его архиву за небольшое вознаграждение.

Мемуары Буняковского содержат обширный фактический материал, но, пожалуй, наибольший интерес для нас представляет та часть, которая носит название «Воспоминания бывшего начальника военного

12 РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 112.

13 Там же. Д. 177. Л. 11 об.

14 Подчеркнуто автором.

15 ASK. T-RZIA. 6-263.

училища в Киеве» и посвящена событиям 1917–1920 гг. Особенно ценные свидетельства относятся к периоду пребывания генерала на Украине при разных политических режимах – украинском национальном, красном и белом. Эта часть носит название «В Киеве при 8 правительствах» (завершена 5 июня 1926 г.) и продолжается разделом «На территории Вооруженных сил Юга России», законченным 30 июня 1926 г.

Буняковский писал, что в конце октября 1917 г., в период борьбы за Киев между большевиками, украинской Центральной Радой и штабом Киевского военного округа, украинские националисты могли рассчитывать на поддержку определенной части, как он писал, экзальтированной молодежи, чтобы захватить власть. Повествуя о своих действиях, генерал отмечал, что смог обеспечить порядок в училище, не допустив провокаций (процент украинцев в военно-учебных заведениях города он оценивал на уровне 25–30 %).

Тогда же у Буняковского произошел конфликт с командующим войсками Киевского военного округа генералом М. Ф. Квецинским и его начальником штаба полковником С. М. Трухачевым, так как Буняковский отказался приютить в училище чинов штаба¹⁶.

1 ноября 1917 г. украинская Центральная Рада провозгласила свою власть на территории Украины. Буняковский по-прежнему находился на посту начальника училища и препятствовал его украинизации. При этом он отмечал попытки искусственного разжигания вражды к «москалям», особенно по мере роста успехов большевиков.

О возможности служить в армии Украинской державы гетмана П. П. Скоропадского генерал рассуждал следующим образом: «Я хотя по предкам украинец, пожалуй, так как происхожу от запорожцев Буняко, но считаю себя русским, и могу служить лишь такому правительству, которое, во-первых, будет чуждо идеи самостийности, а во-вторых, будет вести политику общероссийскую, стремясь сохранить оккупированную немцами и австрийцами территорию как составную часть Российского государства... “украинской мовы” я не знаю, и, заняв должность, буду говорить по-русски»¹⁷. Генерал встречался с П. П. Скоропадским, заявившим, что «он никогда не забудет, что он свитский генерал русского царя»¹⁸. В ходе беседы Буняковский

16 Версию тех же событий глазами С. М. Трухачева см.: Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / сост. Н. А. Кузнецов, Д. А. Тимохина. М., 2018. С. 65–67.

17 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 92.

18 Там же. Л. 92 об.

согласился помочь делу создания украинских военно-учебных заведений и затем вошел в состав комиссии по организации военных школ, которую возглавил генеральный значковый (чин гетманской армии, равный генерал-лейтенанту русской армии) Н. Л. Юнаков. Тем самым фактически поступил на украинскую военную службу.

Буняковскому также предлагали пост начальника штаб-офицерской школы (возможно, речь шла об Инструкторской школе старшин), на что он отвечал, что не присягал гетману и готов занять такую должность при условии отсутствия украинизации и если право поступления в школу будет предоставлено чинам Донской и Добровольческой армий. Разумеется, это было невозможно. Буняковский упоминал и то, что ему предлагали должность начальника украинской академии Генерального штаба (в известных документах он указан в качестве кандидата на профессорскую должность¹⁹). Несмотря на намеки начальника Генерального штаба А. В. Сливинского и генерала А. Г. Лигнау, что скоро курс власти изменится в более приемлемую для Буняковского сторону, последний отказался. В итоге ему предложили занять кафедру военной истории. Уже начали обставлять помещение в Алексеевском инженерном училище, но открытие академии так и не состоялось²⁰.

Генерал иронично описывал заседания комиссии Юнакова: «Мы, н[ачальни]ки училищ, являлись на заседание комиссии в штатском платье и говорили по-русски. Многие же, в том числе и председатель, носили украинскую форму, изменили в своих фамилиях букву “о” на “и” и пытались говорить по-украински, величая друг друга обращениями г[осподи]н генеральный хорунжий, генеральный бунчужный²¹ и пр. и пр. Заседания вел генерал Юнаков, тоже обратившийся в Юнаківа, серьезно и торжественно»²².

В воспоминаниях об этом подробно не говорится, но из текста можно понять, что в киевский период Буняковский контактировал с белыми организациями, в том числе действовавшими нелегально. Так, в 1919 г., при красных, он общался с неким бывшим

19 Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины). Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 893 об.

20 Подробнее см.: *Ганин А. В.* Подготовка кадров Генерального штаба в украинских воинских формированиях в 1917–1939 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2015. Т. XVIII. С. 488–561.

21 Чин гетманской армии, равный полному генералу русской армии. 22 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 95–95 об.

полковником, являвшимся агентом Антанты²³. Ранее подобные контакты также имели место. Мемуарист, в частности, свидетельствовал, что в Киеве после встречи гетмана П. П. Скоропадского с донским атаманом П. Н. Красновым, состоявшейся 3 ноября 1918 г., стал в открытую работать представитель Добровольческой армии генерал-лейтенант П. Н. Ломновский со штабом, который возглавлял полковник Н. З. Неймирок²⁴ (последний также встречался со Скоропадским в октябре 1918 г. на предмет возможного соглашения с Добровольческой армией²⁵). Представители белых работали в самом центре Киева – в здании Биржи (на углу Крещатика и Институтской улицы). «Скопление офицерства в нем (в здании Биржи. – А. Г.) стало значительным. Здесь можно было встретить людей, с которыми не виделся десятки лет. Я встретился здесь с полковником Л[ейб]-гв[ардии] Финляндского полка [А. А.] Лихошерстовым, полковником артиллерии [А. Ф.] Аноевым, бежавшим из германского плена, Ген[ерального] штаба [под]полковником [С. Н.] Жагун-Линником и многими другими»²⁶.

Буняковский дважды представлялся генералу Ломновскому и полковнику Неймироку и получил от них заверение о возможности выехать в Добровольческую армию, однако отправка туда до занятия Киева красными так и не состоялась (а после, видимо, оказалась невозможной), а звучали лишь одни обещания. Когда гетман П. П. Скоропадский 14 ноября 1918 г. издал федеративную грамоту о том, что будущая Украина войдет в состав России как федерации, а начальник украинского Генерального штаба А. В. Сливинский в тот же день призвал генштабистов работать для возрождения России²⁷, Буняковский предложил свои услуги украинским властям, но в войска не попал. Борьбу за Киев в конце 1918 г. он описывал как хаос и неразбериху. Войска Директории Украинской народной республики генерал за редким исключением считал «мало организованным

23 Там же. Л. 97.

24 Там же. Л. 102 об.

25 Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 163–164.

26 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 98 об.–99.

27 В Генеральном штабе // Армия (Киев). 1918. № 10. 15.11. С. 1; Ганин А. В. Начальник украинского Генерального штаба А. В. Сливинский // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 82–98; Ганин А. В. «Русский проект» гетмана П. П. Скоропадского: опыт Екатеринослава (ноябрь – декабрь 1918 года) // Славяноведение. 2019. № 1. С. 56–61.

сбродом»²⁸, а в противостоявших им силах гетмана и добровольцев господствовали партизанщина и отрядомания.

С приходом в конце 1918 г. к власти Директории начались репрессии в отношении оставшихся в Киеве офицеров. По словам Буняковского, расправы касались в основном служивших «в “самоупразднившихся” сердюцких»²⁹ и добровольческих частях, но не в такой мере, как при приходе большевиков. Расстрелов было сравнительно немного, но арестованных – масса. Впрочем, большинство последних отделались легко, так как были высланы за границу»³⁰. Неудивительно, что количество офицеров, желавших поступить в украинские войска, оказалось незначительным.

После того как Киев 5 февраля 1919 г. без боя заняли красные, жизнь генерала переменялась. Служить большевикам он не хотел и стал работать в ликвидационно-строительной комиссии, занимавшейся строительством зданий его прежнего училища (училище до осени 1917 г. находилось на Печерске, а новый достраивавшийся комплекс зданий располагался за городом, в Кадетской роще, по дороге на Васильков). Тем не менее избежать регистрации не удалось. При этом генерал считал, что если за два месяца красные с ним ничего не сделали, то и дальше не нужно никуда поступать на службу. Однако 20–21 марта 1919 г. к Буняковскому приехал «конный ординарец с пакетом и разносной книгой, в которой я должен был расписаться»³¹. В пакете было предписание первого помощника начальника штаба Народного комиссариата по военным и морским делам УССР Б. М. Шапошникова явиться к начальнику штаба бывшему генерал-лейтенанту М. А. Соковнину для переговоров о назначении. С Соковниным мемуарист был хорошо знаком еще по Первой мировой войне и рассчитывал по старому знакомству «или вовсе освободиться от необходимости служить на военной службе, или, во всяком случае, занять какую-нибудь скромную невидную должность»³². Однако ни то, ни другое не удалось.

28 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 100 об.–101.

29 Сердюки – гвардия украинских гетманов. Летом – осенью 1918 г. в армии Украинской державы была сформирована Отдельная Сердюцкая дивизия из семей зажиточных земледельцев. В конце 1918 г. сердюцкие части были переформированы в сечевые полки.

30 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 103 об.

31 Там же. Л. 107.

32 Там же. Л. 107 об.

Буняковский был поражен порядком в штабе, чистотой помещений и чинностью поведения работников. Секретарша начальника штаба Нарбут училась с племянницей Буняковского и заверила его, что тот должен быть доволен службой в штабе, где «все свои люди»³³. Затем состоялась встреча с Соковниным, принявшим Буняковского как старого знакомого. Убедившись, что в соседних комнатах нет коммунистов, Соковнин доверительно сказал: «Ну, батенька, делать нечего; попались, как и я; отказываться нельзя: лучше такие, как мы, будем служить, чем те, которые из готовности угождать будут делать другим гадости»³⁴. Буняковский назначался начальником управления военно-учебных заведений Украины с подчинением однокашнику по академии и соавтору, бывшему генерал-майору С. П. Михееву, занимавшему пост помощника начальника штаба народного комиссариата по военным и морским делам УССР. Мемуарист заявил, что его такой вариант не устраивает, на что Соковнин ему сообщил, что этот вопрос уже решен – комиссар военно-учебных заведений высокого мнения о Буняковском, а отказ от должности «будет иметь тяжелые последствия [...], т. к. поначалу власть не шутит»³⁵. Другие встреченные расстроеным Буняковским военспецы говорили, что «служат “постольку, поскольку” это нужно, чтобы не влипнуть в грязную историю»³⁶. В целом порядок в управлении установился «старорежимный» с незначительными особенностями. Как отмечал мемуарист, слово «товарищ» там не прижилось, и обращались друг к другу по имени-отчеству.

По новой должности Буняковскому приходилось редактировать приказы, составлять еженедельный краткий и ежемесячный подробный отчеты о состоянии военно-учебного ведомства, курировать вопрос подбора кадров для курсов административного и преподавательского состава, переработку их программы. Управление также разрабатывало штаты и инструкции.

Буняковский утверждал, что стремился уклониться от активной поддержки большевистского режима, но однажды из-за журнала «Красный офицер», выходившего в Киеве при управлении, произошел неприятный для военспеца инцидент. Его вынудили написать в журнал статью о том, какими должны быть армия и командный состав.

33 Там же. Л. 108.

34 Там же.

35 Там же. Л. 108 об.

36 Там же.

Когда номер вышел, в статье везде к слову «армия» приписали «Красная», добавив в конце призыв поступать на советские командные курсы³⁷. Буняковский, если верить воспоминаниям, якобы высказал комиссару управления А. А. Абрамову свое неудовольствие в связи с такой произвольной редактурой, но никаких последствий для военспеца это смелое заявление не имело.

Номера журнала «Красный офицер» сохранились в Санкт-Петербурге, в Российской национальной библиотеке. Однако знакомство с ними показало, что Буняковский лгал. Военспецом была написана не одна статья, а, по-видимому, не менее трех. Речь идет о небольшой заметке «Поступайте на курсы», которая подписана его фамилией. Две других статьи («Методы и приемы обучения», «Спорт и игры») подписаны псевдонимами «Ве-Бе» и В. Б., что также дает основания предполагать авторство Буняковского.

По-видимому, первая заметка и послужила основанием для последующих обвинений генерала белыми в добровольном сотрудничестве с красными. Она вышла в блоке материалов ко дню красного командира, причем перед ней были размещены короткие реплики председателя СНК УССР Х. Г. Раковского, видного большевистского деятеля Д. З. Мануильского и комиссара штаба Дашкевича. Из этого соседства ясно, что и Буняковский, указанный в конце вместе с должностью начальника управления военно-учебных заведений, выступал как официальное лицо и едва ли мог не знать о контексте размещения его материала.

Вполне однозначно трактуется и содержание заметки:

Красная армия является огромным резервуаром, в который собираются на время все лучшие живые силы страны, отвлекаясь от производительной и привычной для них работы у станка или за плугом.

Необходимо, чтобы в этом резервуаре производилась такая очистительная работа, при которой вливающиеся в него «железными» выходили бы, после обработки, «стальными».

Для этого Красная армия должна представлять собой огромный дом нравственного, умственного, политического, физического и гигиенического развития, оставаясь в то же время школой боевой подготовки, школой чести, доблести, революционной совести и дисциплины. Осуществление этого – дело красных командиров, обязанных быть не только военными руководителями красноармейцев, но их

37 Там же. Л. 112 об.

учителями, воспитателями и политическими вождями, являясь ответственными не только за материальное и физическое благосостояние, но и за души их³⁸.

Далее содержался призыв «сынам трудового народа» поступать на советские командные курсы. Резюмировал автор следующим образом: «Помните, что всякий культурный человек имеет свои личные обязанности, которые запрещают ему накапливать знания и ничего с ними не делать и возлагают на каждого роль обучающего, пропорционально культурности и количеству знаний. Помните о необходимости побороть эгоистические интересы на общее благо всех трудящихся и проникнуться горячей любовью к стоящим ниже себя по умственному развитию и культурности»³⁹. Возможно, подобный текст писался не самим Буняковским, однако это вовсе не абстрактная заметка о том, какой должна быть армия вообще, как позднее генерал утверждал в воспоминаниях.

Наиболее любопытна статья «Методы и приемы обучения», в которой говорилось о важности пробуждения интереса обучающихся бойцов к занятиям. Она была написана несколько отвлеченно от реалий РККА (Красная армия фигурировала лишь в одном предложении) и содержала предложения по организации подготовки войск вообще, а также пояснения насчет недочетов в этом деле⁴⁰.

Наконец, в третьей статье рассматривался вопрос о важности спорта и игр в подготовке войск, в том числе и потому, что некоторые виды спорта притупляли инстинкт самосохранения, что, по мысли автора, было полезно для армии⁴¹.

Вернемся к воспоминаниям Буняковского и к описанию в них советской действительности. Мемуарист высоко отзывался о работе ГУВУЗ Советской России. Судить об этом он мог со слов приезжавших из Москвы военспецов. Так, по данным одного из них, к марту 1919 г. советское ГУВУЗ было хорошо организованным учреждением, в котором служило много бывших офицеров, разрабатывавших

38 Буняковский В. В. Поступайте на курсы // Красный офицер (Киев). 1919. № 2. С. 3–4. Выражаю благодарность д. и. н. А. С. Пученкову, любезно скопировавшему материалы журнала.

39 Там же. С. 4.

40 *Ве-Бе*. Методы и приемы обучения // Красный офицер (Киев). 1919. № 2. С. 20–22.

41 В. Б. Спорт и игры // Красный офицер (Киев). 1919. № 3. С. 22.

программы, учебные пособия, методику обучения. Украинское советское управление военно-учебных заведений подчинялось центру, откуда приезжали инспектора и сотрудники, присылались инструкции. В то же время двойное подчинение местному военному руководству и Москве порождало трения.

Помощником начальника управления являлся бывший генерал-майор Д. Н. Промтов, а инспекторами по учебно-строевой части – бывший генерал-майор А. М. Заболотный и бывший полковник В. А. Сигарев. Отметим, что Промтов и Заболотный, как и Буняковский, ранее служили в гетманской армии, затем в РККА, а позднее у белых. Что касается Сигарева, то до сих пор считалось, что всю Гражданскую войну он прослужил в украинских формированиях, а в 1919 г. якобы жил в Каменце-Подольском как частное лицо и не служил у красных⁴². Воспоминания Буняковского дополняют эту картину новыми данными.

По отзыву Буняковского, комиссар управления А. А. Абрамов был настоящим трудолюбом, который приходил на службу первым, а уходил последним. Абрамов симпатизировал военспецам, был человеком образованным и доброжелательным. Таким же трудолюбом являлся главный комиссар ГУВУЗа И. Л. Дзевалтовский, он же – заместитель наркома по военным и морским делам УССР (в июне – августе 1919 г.), а позднее (в августе – октябре 1919 г.) – нарком. Комиссары Подвойский и Дзевалтовский одевались и держались очень просто.

Буняковский привел и некоторые общие оценки состояния Красной армии и советской власти на Украине. Например, он отмечал, что Украина обладала огромным мобилизационным потенциалом, который оставался слабо использованным, а для свержения советской власти достаточно было ничтожных усилий. От наблюдений Буняковского не укрылось и то, что чекисты забрали себе больше власти, чем хотелось большевикам, и последние даже побаивались ЧК. Противостоять чекистам не мог даже нарком по военным и морским делам УССР Н. И. Подвойский. Отношения Подвойского и Дзевалтовского, если верить воспоминаниям, складывались непросто. Однажды, когда начальник штаба наркомата М. А. Соковнин и первый помощник начальника штаба Б. М. Шапошников делали доклад Дзевалтовскому, в комнату вошел Подвойский со словами: «Какой дурак позволил Вам, н[ачальни]к штаба, делать доклад, составляющий военную тайну?»⁴³

⁴² Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1. С. 400–401.

⁴³ РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 114 об.

На это в том же тоне ответил Дзевалтовский: «Этот дурак – я... но не понимаю, от кого это тайна — от меня или военспецов, и без того лучше нас все знающих?»⁴⁴

Дзевалтовский вообще отличался эксцентричными выходками. Так, при выпуске эвакуированных в Киев Екатеринославских командных инженерных курсов один из курсантов произнес тост с ничего не значащими словами о том, что вино послужит спайке присутствующих. Председатель СНК УССР Х. Г. Раковский и Подвойский улыбнулись. Когда курсант подошел чокнуться с Дзевалтовским, тот швырнул свой бокал на пол со словами, что в новой России вино не может быть цементом для спайки людей⁴⁵. Выходка была неуместной и обидной. Воцарилось молчание, а после отъезда комиссаров выпускники и преподаватели весело отпраздновали окончание обучения, причем вели разговоры, не имевшие ничего общего с марксизмом⁴⁶.

Учебный процесс в украинских советских военно-учебных заведениях, как отмечал Буняковский, был организован хуже, чем даже в школах прапорщиков в Первую мировую войну. Тем не менее эти курсы были довольно многочисленны, а их личный состав активно использовался на фронтах.

Тревога военспецов усугублялась периодическими обысками и арестами. Репрессии нарастали по мере ухудшения положения большевиков. Только в училище были расстреляны четыре офицера, еще нескольких арестовала ЧК. В прессе появилась рубрика «черная доска», в которой печатали имена возможных контрреволюционеров, подлежащих удалению со службы. Положение Буняковского было щекотливым, так как к нему нередко обращались с просьбами кого-то устроить на службу или, наоборот, помочь уклониться. При этом назначенцы Буняковского иногда скрывались, не доезжая до пунктов назначения.

На контакт с высокопоставленным военспецом пытались выйти белые подпольщики. Один из таких эпизодов произошел в конце июля – начале августа 1919 г. Тогда к Буняковскому зашел бывший капитан старой армии (войсковой старшина гетманской армии и полковник ВСЮР) Н. П. Булюбаш, состоявший у красных по гражданской части. Буняковский предпринял много усилий, чтобы избавить Булюбаша от строевой службы на командных курсах. Мемуарист описал их беседу:

44 Там же.

45 Там же. Л. 115 об.

46 Там же.

Он сказал мне, что ему надо переговорить со мной секретно, и просил меня заехать к нему на квартиру. Я приехал после службы. Он под секретом сказал мне, что числится агентом контрразведки Добр[овольческой] армии, и сказал, что ими подыскивается лицо, могущее взять на себя должность н[ачальни]ка штаба ее. Я ответил, что не склонен к подобного рода деятельности. Тогда он предложил мне просто дать согласие на то, чтобы числиться агентом к[онтр]р[азведки]. Я ответил ему, что это обязывает к известного рода деятельности, которая по свойствам моего характера и нравственным убеждениям мне претит. Тогда он стал развивать мысль, что скоро придется давать отчет в своей деятельности перед командованием Добр[овольческой] армии, а состояние в агентах к[онтр]р[азведки] избавит от многих неприятностей. Я ответил ему, что во всей своей деятельности не вижу, за что я мог бы пострадать, и соглашаться на зачисление агентом к[онтр]р[азведки] из шкурных интересов не намерен.

Далее я его спросил, не знает ли он как агент к[онтр]р[азведки], каковы распоряжения командования Добр[овольческой] армии относительно нашего брата, служащего у большевиков. Он ответил, что желание командования, чтобы мы оставались на местах и не эвакуировались при отходе большевиков. Аналогичные сведения у меня имелись и из других источников⁴⁷.

Этот опыт подпольной работы Булюбашу позднее пригодился вновь, когда в годы Второй мировой войны он стал одним из командиров французского Сопротивления.

Часть военспецов была противниками красных. Так, командующего 12-й армией бывшего генерала Н. Г. Семенова Буняковский характеризовал как человека, настроенного «в душе антибольшевистски»⁴⁸. Отмечал мемуарист и то, что при оставлении красными Киева «почти все военспецы ее (12-й армии. – А. Г.) под конец скрылись не без его (Семенова. – А. Г.) ведома»⁴⁹, а сам командарм якобы был расстрелян (последнее не соответствовало действительности). В то же время военспецы не знали, чего ждать от подступавших к Киеву белых.

Буняковский делился бытовыми подробностями того, как ему с сослуживцами приходилось выживать в советских условиях. Жили

47 Там же. Л. 118 об.–119.

48 Там же. Л. 107.

49 Там же.

очень скромно. Продукты было сложно достать, мяса не видели порой по две недели. Едва получалось раздобыть черный хлеб и жиры. Про белый или сдобный хлеб забыли. Персонал Николаевского училища занимался огородничеством и выращивал овощи. Генерал вспоминал, что позднее, когда пришли белые, многие набросились на ранее дефицитные продукты, за что поплатились желудочными заболеваниями. При красных не было ни хорошей одежды, ни качественного табака, ни подходящих для сколько-нибудь взыскательного зрителя развлечений. Позднее же у белых получило распространение мнение, что военспецы были куплены большевиками, получали огромное содержание и хорошо жили, что не соответствовало действительности.

При обороне Киева летом 1919 г. от белых у красных оказалось недостаточно надежных сил. В этой связи было решено сформировать бригаду из подготовленных курсантов, а остальных вместе с администрацией и имуществом эвакуировать в тыл. Особую маневренную бригаду курсантов возглавил бывший штабс-капитан Ф. Г. Миронов, он же стал начальником группы войск обороны Киева. Начальником штаба бригады по предложению Буняковского стал бывший капитан И. А. Хрыпов. Он проживал на квартире оставшейся в Киеве супруги генерал-майора В. З. Савельева (сам Савельев тогда служил во ВСЮР). По официальным советским данным Хрыпов пропал без вести при оставлении красными Украины, но на самом деле, как о том пишет Буняковский, он перешел на сторону белых.

Буняковский вспоминал, что однажды генштабисты получили предписание эвакуироваться из Киева на пароходах. Военспец остался под предлогом болезни супруги. Он писал о дальнейшем выборе:

Наступили решительные минуты. Если бы я прельщался служебным положением у большевиков, то, конечно, самое выгодное было бы послушно исполнить приказание, т. к., явившись в Москву, я был бы оставлен или в академии для профессорства или причислен к ГУВУЗу, начальником коего был мой бывший сослуживец по Алекс[андровскому] воен[ному] училищу Ген[ерального] штаба генерал-майор Муратов.

Кроме того я имел шанс воспользоваться хоть частью моего ценного имущества, оставшегося в Великороссии, в то время, как в Киеве мы с женой жили «налегке».

Но надо было как-нибудь замести следы, решив остаться⁵⁰.

50 Там же. Л. 120 об.–121.

Для маскировки Буняковский показался ночью начальству одной из эвакуированных школ, побывал у них на пароходе, а затем незаметно сошел на берег и вернулся домой. Однако на следующий день его обнаружили остававшиеся курсанты и комиссары. Пришлось снова ехать на пристань, от которой должен был отходить пароход с артиллерийскими курсами. Пароход уже отчалил. Лишь убедившись в этом, Буняковский вместе со спутником – инспектором классов курсов бывшим полковником В. Р. Руппенейтом, также стремившимся остаться в Киеве и перейти к белым, – подъехал к пристани. Уже вечерело, а пропуска для проезда по городу после 21 часа не имелось. Между тем по Киеву рыскали курсанты бригады Миронова, вылавливавшие тех, кто не хотел эвакуироваться. Из-за повальных обысков, шедших по городу, знакомые к себе переночевать тоже не пускали, чтобы не рисковать и не подвести домовые комитеты. Было решено заночевать непосредственно в штабе армии, где начальником разведывательного отдела служил бывший генерал-майор А. А. Котельников. Ранее последний был арестован, но затем взят на поруки его товарищем командармом Н. Г. Семеновым и назначен для надежности в штаб. За несколько дней до эвакуации Котельников тайно отправил семью в глухую деревню под Киевом. Сам он собирался бежать ночью пешком к семье, поскольку до утра его искать бы не стали.

Планировалась эвакуация части штаба на пароходе «Могучий». Для прикрытия задержки в Киеве Буняковский и его единомышленники решили получить разрешение выехать на «Могучем». Начальник оперативного отдела 12-й армии бывший полковник А. И. Давыдов выслушал просьбу о пропуске с саркастической улыбкой, но, тем не менее, дал спасительное разрешение. Пароход отходил через пару дней, и до того Буняковский со спутниками могли не опасаться обыска и проверки документов, а также получили возможность легально вернуться домой.

Мемуарист писал о «растерянности большевиков и их властей, которая бросалась в глаза, особенно когда я побывал на пристани и видел, как красноармейцы силой занимали баржи для эвакуации, а красные курсанты с бросившим их командным составом, да еще при условии, что н[ачальни]ком штаба был назначен полковник⁵¹ Хрыпов, тоже не представляли серьезной силы»⁵². Этот намек Буняковского прояснился лишь далее по тексту. Как оказалось, Хрыпов «так распределил части,

51 Так в тексте. Правильно – капитан.

52 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 123.

что о серьезном сопротивлении не могло быть и речи. Затем под видом осмотра расположения он уехал из штаба и более не возвращался, укрываясь, и тотчас же явившись добровольцам по вступлении их в Киев с докладом о своей деятельности»⁵³. Позднее, если верить Буняковскому, Хрыпов был разжалован белыми в рядовые.

Нужно было на время найти новое жилье. Буняковский в итоге «засел в бест» (укрылся) в небольшой комнате при бакалейной лавке, которую под чужой фамилией содержал военный юрист, бывший капитан (позднее – полковник) К. В. Ялышев. В связи с учащением обысков генерал ложился спать за стойкой в самой лавке. Обед ему приносила жена, а на ночь лавку запирали на большие замки снаружи, чтобы исключить подозрения. Интересны описания способов скрыться, которые использовали некоторые товарищи Буняковского. Так, военный юрист, бывший полковник Тимофеев был вынужден прятаться в зарослях сада, благо позволяла погода, так как найденное им убежище оказалось беспокойным. Начальник Киевских инженерных командных курсов полковник И. В. Галушинский скрывался неделю в лесу у знакомого по охоте лесника, причем обстреливал из леса красные обозы, захватив более десятка пишущих машинок в качестве трофеев. Также остались в городе начальники командных курсов бывшие полковники Гаевский и Сергеев. Из 12 знакомых выпускников академии Генерального штаба, которые должны были эвакуироваться по предписанию, были увезены лишь четверо (генерал Н. Н. Десино, полковники Н. Е. Андрианов (у Буняковского указан в чине генерала) и А. М. Казачков, капитан И. А. Чернявский), «не проявив энергии, чтобы избежать этого»⁵⁴. Также почти в полном составе на сторону белых перешло управление военно-учебных заведений наркомата по военным и морским делам УССР.

30–31 августа 1919 г. в Киев вошли одновременно белые и украинские войска. По соглашению сторон украинские формирования затем были выведены из города⁵⁵. Буняковский отметил, что украинские силы, спешно оставлявшие город белым, были значительны, однако белые за счет решительных действий смогли произвести впечатление на украинцев.

Буняковский свидетельствовал, что люди ждали прихода белых с большими надеждами:

53 Там же. Л. 126 об.

54 Там же. Л. 126.

55 Подробнее см.: *Машкевич С.* Два дня из истории Киева. Киев, 2010.

Всем думалось и крепко хотелось верить, что Добровольческая армия несет с собой конец моральному и экономическому развалу, бесправию, беззаконию, несправедливости, разжиганию дурных инстинктов из шкурных соображений. Все надеялись, что не черную реакцию, не восстановление классовых привилегий, не жажду мщения и сугубой подозрительности несет с собой новая власть, а что идет новая, свободная «Россия»; идет власть в ореоле кристальной чистоты, с армией, одушевленной высокими порывами чувств любви к родине и ближнему, и что она как снежный ком, катящийся по снегу и все растущий в объеме, будет расти и расти, быстро впитывая в себя с занятием каждого города, местечка или села все честное, все не разложившееся за время большевизма, все любящее родину и готовое на подвиг после всего пережитого и выстраданного за время семикратной смены власти на Украине, сохранившее понятие о долге, чести, нравственной порядочности, и будет сметать на своем пути к Москве все препятствующее ее победному шествию к великому делу спасения и возвращения так низко павшей, больной, но все же всеми любимой Родины⁵⁶.

Однако эти надежды не оправдались. Белые не смогли ничего предложить населению. По мнению Буняковского, лозунг великой, единой и неделимой России годился лишь для интеллигенции и военных. Новых органов государственного управления не создавалось, а прежние были разогнаны. Начались преследования тех, кто сотрудничал с красными: облавы на «большевиков», попытки расправ. Квартиры бесцеремонно реквизировались у жильцов под нужды армии. Негативную реакцию вызвал запрет советских денег, притом что других не было. Снятие запрета на торговлю спиртным привело к массовым попойкам. В кутежах, порой сопровождавшихся стрельбой из револьверов как на улице, так и в ресторанах, были замечены чины ВСЮР. Дикое впечатление производили на местных жителей обозы белых, целый день шедшие через Киев: «Чего-чего только не было нагружено на повозки и роскошные экипажи, на коих восседали бедные крестьяне, подчас удаленных местностей, у коих были реквизированы лошади и телеги. Здесь можно было видеть и прекрасных заводных лошадей, и всякую другую живность, виднелись на повозках и ковры, и подушки, и граммофоны, и всякая домашняя утварь и пр[очее] и пр[очее]»⁵⁷.

56 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 127 об.–128.

57 Там же. Л. 129 об.

Буняковского как генерала императорского производства пора жало обилие у белых полковников – вчерашних подпоручиков Первой мировой войны. В то же время киевское офицерство столкнулось с недоброжелательным к себе отношением белого командования. Офицеры сутками ожидали очереди на регистрацию, причем многих вместо направления на фронт отправили в тыл проходить процедуру проверки в связи с пребыванием на советской территории. Унизительное отношение коснулось и тех, кто с риском для жизни бежал от красных. Ситуация усугублялась тем, что местным офицерам, оставшимся без жалования, в период проверок попросту не на что было жить. Белая контрразведка арестовывала и расстреливала невинных людей, тогда как активных коммунистов, которых выдавали белым их агенты, порой отпускала.

Мемуарист зафиксировал, как белые в пропагандистских целях преувеличивали масштабы красного террора. Так, не то сами белые, не то петлюровцы расстреляли в Кадетской роще, неподалеку от дома Буняковского, санитарный отряд из 12 человек. Позднее трупы белые выкопали и увезли в город, во двор ЧК, где собирались для документирования зверств большевиков трупы расстрелянных красными⁵⁸.

Генерал с семьей и другими офицерами Генерального штаба выехал в Таганрог для прохождения процедуры проверки и реабилитации в связи со службой у красных. Кто-то ехал один, кто-то вез семью и даже имущество, вплоть до пианино и ролей.

Бросалось в глаза продовольственное изобилие на белой территории (например, в Ростове-на-Дону и Таганроге по сравнению с красным Киевом). Кофейни, кондитерские и рестораны были переполнены посетителями.

При этом тыл белых находился в хаотическом состоянии. Сложными были взаимоотношения внутри командного состава. Например, когда в Таганрог приехал после отрешения от должности бывший командующий Добровольческой армией генерал В. З. Май-Маевский, охрана дома Деникина была усилена из опасений того, как бы Май-Маевский не арестовал главнокомандующего.

Генерал много писал о недальновидной политике белых по отношению к офицерам-перебежчикам. Об этом было известно и ранее⁵⁹,

58 Там же. Л. 125–125 об.

59 *Гагкуев Р. Г.* Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг.

но свидетельства Буняковского добавляют новые детали. Очевидна абсурдность принимавшихся решений. К примеру, полковник В. Р. Руппенейт, обладавший двумя высшими образованиями (окончил Технологический институт и академию) и имевший железнодорожную практику, был назначен номером к орудию, тогда как батареи командовал поручик. Подобных случаев было немало.

Процедура реабилитации самого Буняковского затянулась на три месяца. Следствие вели молодые гражданские юристы, а заключения о моральном облике подследственных давали молодые белые генштабисты. Заслуженному генералу такой состав следователей был не по душе.

Как оказалось, Буняковский подлежал военно-полевому суду, причем по статье, предусматривавшей смертную казнь, но оставался на свободе и имел возможность бежать. Подсудимому разрешалось вызвать необходимых свидетелей, и ряд лиц прислали письменные показания о его невиновности. Судебное заседание длилось четыре часа, и не менее полутора часов суд совещался. Интересно, что, несмотря на указанный в приговоре трехнедельный арест, генералу разрешили свободно пойти домой и фактически освободили от наказания. Пока тянулось следствие, жить было не на что (числившиеся за следственной комиссией получали незначительное пособие), и Буняковскому пришлось продать свои ордена. Впрочем, через несколько дней его все же посадили под арест на гауптвахту, где он содержался вместе с уже упоминавшимся генерал-майором А. А. Котельниковым, а затем вывезли в Екатеринодар и поместили в плохих условиях. Вскоре Буняковский был помилован, но никакой должности белые ему не предложили. В итоге из Новороссийска с немалыми трудностями он смог уехать за границу. На этом Гражданская война для него завершилась.

Мемуары генерала В. В. Буняковского, краткий обзор которых мы представили вниманию читателей, – это сложный исторический источник, нуждающийся в проверке приводимых генералом сведений. В то же время это ценное свидетельство осведомленного современника и активного участника многих исторических событий, заслуживающее публикации в полном объеме. Тем более что стремился к этому и сам автор.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Российский государственный военный архив (РГВА).

Центральный державний архів вищих органів влади та управління України.

Archiv Slovanské knihovny (ASK).

Буняковский В. В. Поступайте на курсы // Красный офицер (Киев). 1919. № 2. С. 3–4.

В Генеральном штабе // Армия (Киев). 1918. № 10. 15.11. С. 1.

В. Б. Спорт и игры // Красный офицер (Киев). 1919. № 3. С. 22.

Ве-Бе. Методы и приемы обучения // Красный офицер (Киев). 1919. № 2. С. 20–22.

Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М.: Посев, 2012. 703 с.

Ганин А. В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Кучково поле Музеон, 2023. Т. 2. 968 с. DOI: 10.31168/907589-29-2

Ганин А. В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки». Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 403–429. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.02

Ганин А. В. Начальник украинского Генерального штаба А. В. Сливинский // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 82–98.

Ганин А. В. Подготовка кадров Генерального штаба в украинских воинских формированиях в 1917–1939 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2015. Т. XVIII. С. 488–561.

Ганин А. В. «Русский проект» гетмана П. П. Скоропадского: опыт Екатеринослава (ноябрь – декабрь 1918 года) // Славяноведение. 2019. № 1. С. 56–61. DOI: 10.31857/S0869544X0003672-2

Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М.: Кучково поле, 2017. 923 с.

Машкевич С. Два дня из истории Киева. Киев: Варто, 2010. 160 с.

Москва – Сербия. Белград – Россия. Сб. док. и мат. / сост. А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, А. А. Силкин. М.: Главное архивное управление города Москвы; Белград: Архив Србије, 2017. Т. 4. 1006 с.

Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / сост. Н. А. Кузнецов, Д. А. Тимохина. М.: Посев, 2018. 452 с.

Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-история, 2013. 352 с.

Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999. 671 с.

Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ: Темпора, 2007. Кн. 1. 536 с.

References

Fondy Russkogo zagranichnogo istoricheskogo arkhiva v Prage. Mezhharkivnyi putevoditel'. Moscow: ROSSPEN, 1999, 671 p.

Gagkuev, R. G. *Beloe dvizhenie na Iuge Rossii: Voennoe stroitel'stvo, istochniki komplektovaniia, social'nyi sostav. 1917–1920 gg.* Moscow: Posev, 2012, 703 p.

Ganin, A. V. *Kadry General'nogo shtaba v period Grazhdanskoi voiny v Rossii 1917–1922 gg.* Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2023, vol. 2, 968 p. DOI: 10.31168/907589-29-2

Ganin, A. V. “«Menial orientatsiiu v zavisimosti ot politicheskoi obstanovki». Denikinskaia razvedka o genshtabistakh, sluzhivshikh v ukrainskikh voiskakh. 1919 g.” *Slavianskii al'manakh*, 2022, No 3–4, pp. 403–429. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.02

Ganin, A. V. “Nachal'nik ukrainskogo General'nogo shtaba A. V. Slivinskii.” *Slavianskii al'manakh*, 2016, No 1–2, pp. 82–98.

Ganin, A. V. “Training of the General Staff in Ukrainian military formations in 1917–1939.” *Russian collection: Studies on the history of Russia*. Moscow, 2015, No XVIII, pp. 488–561.

Ganin, A. V. “«Russkii proekt» getmana P. P. Skoropadskogo: opyt Ekaterinoslava (noiabr' – dekabr' 1918 goda).” *Slavianovedenie*, 2019, No 1, pp. 56–61. DOI: 10.31857/S0869544X0003672-2

Mashkevich, S. *Two days from the history of Kiev*. Kiev: Varto, 2010, 160 p.
Moskva – Serbiia. Belgrad – Rossiia. Sb. dok. i mat., comp. by A. Iu. Timofeev, G. Miloradovich, A. A. Silkin. Moscow: Glavnoe arkhivnoe upravlenie goroda Moskvyy; Belgrad: Arhiv Srbije, 2017, vol. 4, 1006 p.

Puchenkov, A. S. *Ukraine and Crimea in 1918 – early 1919. Essays on political history*. St Petersburg: Nestor-istoriia, 2013, 352 p.

Tinchenko, Ia. Iu. *Oficers'kii korpus Armii Ukrain's'koï Narodnoï Respubliki (1917–1921)*. Київ: Tempora, 2007, vol. 1., 536 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.02

A. V. Ganin

**“Many people... tried to speak Ukrainian”.
Ukraine 1917–1919 in the memories
of General V. V. Bunyakovsky**

Andrey V. Ganin

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8602-1990

Citation

Ganin A. V. “Many people... tried to speak Ukrainian”. Ukraine 1917–1919 in the memories of General V. V. Bunyakovsky // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 29–54 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.02

Received: 11.12.2023.

Revised: 23.01.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article is devoted to the analysis of unpublished memories of Major General V. V. Bunyakovsky about his life in 1917–1919 in Ukraine. Bunyakovsky’s memories are kept in the Russian State Military Historical Archives and in the State Archives of the Russian Federation, and were originally kept in the Russian Foreign Historical Archives in Prague. The preserved body of the general’s memories covers the period from the First World War to emigration, but one of the most interesting parts concerns the 1917–1919 period. In 1917–1918 Bunyakovsky was a member of the liquidation commission of the Nicholas Military School in Kiev, which he led; in the Ukrainian army of Hetman P. P. Skoropadsky in 1918 he was a member of the commission for the organization of military schools; in the Red Army in 1919 he headed the department of military educational institutions of the People’s Commissariat for Military and Naval Affairs of the Ukrainian SSR. The general was an eyewitness to large-scale historical events, including multiple changes of power in Kiev, met with a number of historical figures of that period and described his impressions in detail. Memories were written during his stay in exile in Serbia in the mid-1920s.

Keywords

Ukraine, Soviet Russia, sources of personal origin, the Red Army, V. V. Bunyakovsky, the White Movement.